

В.М. АКИМОВ

«Намечается новая человеческая порода» («Двенадцать» Александра Блока)

Большая русская послеоктябрьская литература начинается поэмой Александра Блока «Двенадцать». И лучшего начала не могло быть. В свернутом виде тут есть все, что потом развертывалось на протяжении всей нашей истории, наших судеб в XX веке.

Двенадцать коротких глав, которые можно, кажется, пробежать глазами за несколько минут, затягивают в себя надолго, заставляя неотрывно всматриваться в глубины сюжета, устремляясь в мучительный, кровавый путь следом за двенадцатью красногвардейцами, вместе с Катькой и Ванькой, — страдать и надеяться вместе с ними. И через иллюзии, преступления, одиночество и отчаяние на этом пути вдруг выйти за невидимым Христом в неведомую никому (и выношенную тысячелетиями работы духа) дорогу «вдаль». Эту «даль» так близко увидел тогда поэт, и мы вместе с ним снова и снова вдумываемся в гениальное пророчество, делая все еще самые первые шаги на этом великом и трагическом пути.

Поэма написана, можно сказать, в одном вдохновенном порыве в течение нескольких дней января 1918 года. Колоссальна плотность духовного вещества в блоковском сочинении. Каждая строчка в поэме — открытие, каждый эпизод — целая эпоха, каждая судьба — прозрение. За поэмой стоят века культуры.

И в то же время она, как никогда у Блока, непосредственна и чутка к происходящему в реальной жизни, словно бы между улицей, городом, людьми и строками поэмы нет никакого расстояния. Поэма написана с чувством великого доверия к действительности, «в согласии со стихией».

«...Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства... моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над нами. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”...» (А. Блок. Записка о «Двенадцати»).

В поэме отразились совершенно конкретные события тех дней. Пейзаж зимнего метельного Петрограда, рвущийся на ветру лозунг «Вся власть Учредительному Собранию!», буржуй, спрятавший нос в воротник, барынька в каракуле, красногвардейский патруль из двенадцати человек, лихач, катающий Ваньку с Катькой, — все выхвачено из пестрого потока взбудораженной революцией жизни. Но пусть не уведет нас от главного эта простота внешней похожести.

Чтобы верно прочитать поэму, нужно понять ее своеобразный язык. Блок говорит в поэме своим сложным языком о сложных, выстраданных, выношенных вещах.

В звучании поэмы, ее красках, сюжете, во всем ее движении «зашифровано» огромное открытие, большая мысль. «Двенадцать» не просто описание, изображение жизни, а ее глубочайшее истолкование. Полны глубокого смысла самые первые слова: «Черный вечер. Белый снег».

В своей поэзии Блок вообще не стремится к цветовому повторению мира. Интенсивный, напряженный цвет у него не раскрашивает события, а выражает его чувство, оценку происходящего.

Пейзаж у Блока переживает духовное состояние мира. И, разумеется, нет состояний, нет переживаний более контрастных, чем окрашенные в «черное» и «белое».

Первая строчка поэмы заставляет вздрогнуть, словно от удара током: такое в ее красках предельное напряжение противоположных сил, такое острое заложено в них противоречие. Эти сдвинутые, столкнувшиеся силы «черного» и «белого» насыщены взрывом.

Они и взорвались — «ветром», заполнившим весь «Божий свет», гуляющим из края в край поэмы.

Рухнуло, раскололось, разлетелось все привычное, земная твердь стала ненадежной, дикий «ветер» все сметает на своем пути.

На ногах не стоит человек.

Что же такое — «ветер»?

Здесь один из главных вопросов, и его нужно продумать. Принято считать, что для Блока с этим образом связано представление о революционных переменах. Это верно, но требует уточнения. Революция для поэта — прежде всего и главным образом небывалая перестройка, *переделка* человеческой души. Так писал об этом сам Блок в статье «Интеллигенция и революция» в те же январские дни, когда вынашивал свои «Двенадцать»:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией».

Для понимания поэмы все значительно и необходимо в этих словах: и «замыслы, искони таящиеся в человеческой душе», и то, что они «бросаются бурным потоком», и то, что они «разрывают сковывавшие их путы».

«Ветер» в поэме — это и есть величайший всплеск человеческих, народных душевных сил; могучий поток, вдруг вырвавшийся на волю из самых тайных глубин пережитого; безудержный вихрь мыслей, чувств, желаний, надежд. Это радость и злоба, любовь и ненависть — вместе; это жажда справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизни, вступившая в борьбу с накопившимися привычками жизни лживой, грязной, скучной и безобразной, основанной на насилии. Революция для Блока становится испытанием и преображением человека, тем «моментом истины», когда в его душе «безобразное» сталкивается с «прекрасным» и исход столкновения определяет судьбу человека. Вызван могучий стихийный душевный порыв, целиком захватывающий человека. Вот что такое «ветер»!

Нужно еще раз подчеркнуть, что у Блока силы стихии — «ветер», «метель», «вьюга» — не могут быть определены однозначно: как добро или зло. Они и то, и другое — вместе, слитно, переплетясь. Это глубокое противоречие в человеческой душе, источник энергии ее развития. Это сила жизни!

Разрушение старого порядка, сокрушение прежней социальной и нравственной структуры, на которой держался «старый мир», освобождают громадные силы, вырывающиеся на волю хаотично, разнузданно, безудержно. Иными они и не могут быть — так все в них перемешано. В них, повторю, поэт видит источник жизни, движения, перемен. Но они могут стать — в своей стихийной безудержности и слепоте — и причиной гибели.

Блок прекрасно понимает *двойственную* природу этих сил. Поэтому в «Двенадцати» нет, конечно же, никакого воспевания, прославления, идеализации стихии революции, как об этом иногда говорят.

«Старый мир» дал трещину, и оттуда, как лава из жерла вулкана, вырвался опаляющий поток человеческих чувств и желаний, нередко уродливых и страшных. Он уничтожит «старый мир», но может уничтожить и своих носителей, если люди не сумеют обуздать этот поток, превратить хаос в гармонию, в «духовный космос», по выражению Блока.

Вот что тревожит поэта с первых строк: сумеет ли устоять человек на ветру социальных бурь, в бушевании внутренних, душевных стихий? В этом раскаленном горниле безжалостному испытанию высокой температурой подвергаются и индивидуальные, лич-

ные и народные, национальные ценности — все, что накопила культура, все, что изобрела цивилизация. Но этот разговор еще впереди.

А сейчас выясним: почему же отбрасываются ветром «буржуй», «писатель-вития», «барынька в каракуле», «поп» и так далее? В чем их вина? Или беда? А в том, что люди «старого мира» утратили внутреннюю связь с хаотически страшным, но полным жизни движением «ветра». Посмотрите, как мертвы, как марионеточны, шаблонны их движения, как прячутся люди от живоносной стихии в застывшую, отжившую «форму»! Они «утратили бытие», говорил о таких Блок. Они, в сущности, уже не люди, а механические куклы, не способные к саморазвитию. Поэтому же легко отбрасывается ветром и плакат «Вся власть Учредительному Собранию!». Блоку максималистски казалось тогда, что старая парламентская демократия для России умерла, что «ветер с красным флагом» создадут новые, небывалые формы народоправия. А пока «учредилка» — это безжизненно-бюрократическая форма буржуазной государственности, пытающаяся остановить живой поток стихии, чуждая идеалам народа и его интересам.

...Нарастает грозное веселье.

Ветер веселый
И зол и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...

Нет, считал Блок, «вся власть» принадлежит ветру революции, самодвижению народной силы, с ее способностью к самобытному творчеству новых форм жизни — справедливых и прекрасных. Действительная жизнь показала, что этой мечте еще не дано осуществиться. Но Блок не ошибся в главном. Он знал, что главное на этом пути — человеческое внутреннее совершенство — дается трудной ценой, требует сурового и беспощадного пересмотра всех прежних представлений о жизни. Новое, писал Блок незадолго до этого в предисловии к поэме «Возмездие», создается «ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.».

Легко единым махом смести очевидные и всем бросающиеся в глаза внешние уродства «старого мира», куда труднее избавиться от родимых пятен этого мира в себе самом. Но лишь в этом видит Блок гарантию обновления.

Первая глава «Двенадцати» заканчивается вопросом «Что впереди?» и призывом «Товарищ! Гляди в оба!».

Что ж, сцена освобождена для нового героя — коллективного героя поэмы, двенадцати красногвардейцев. Впереди — их трагический и великий путь в глубь себя и в даль мировой истории, в даль своей новой исторической судьбы. За каждым их шагом на этом пути Блок следит с великим вниманием и надеждой.

Они врываются в поэму вместе с ветром, входят легким, летящим шагом, словно на крыльях, упоенные невиданным, несущим их чувством свободы, потому что его грозная и вольная сила рождена в них самих.

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
.....
Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Кто же такие эти «двенадцать», каждый из них и, в особенности, Петруха, путь которого проходит близко перед нами? Этот вопрос — главный после проблемы «ветра».

Начну чуть издалека — с самого Блока. В его поэзии есть лирический герой, то есть человек, говорящий от первого — блоковского — лица, через себя преломляющий все

проблемы жизни. Он воплощает в себе духовный опыт самого поэта, им пережитое и понятое в жизни. Внутренний мир лирического героя Блока с огромной чуткостью засвидетельствовал тот факт, что каждая отдельная личность стала причастной ко всем проблемам мировой жизни. «Мировой водоворот, — писал Блок, — засасывает в свою воронку почти всего человека». Невозможной становится «уединенная душа», жизнь в себе, обособленно. Даже одиночество одного повторяет одиночество миллионов. Поэт оказался в своей лирике лично связанным со всем, что переживали миллионы его современников в России. В лирическом герое Блока современники узнавали себя. Он стал типическим героем. Так его и воспринимала читающая Россия, поэтому стихи Блока много значили для многих душ. Говоря о себе, поэт говорил обо всех.

Но это же мы имеем право сказать, возвращаясь к героям «Двенадцати». Они — люди массы, даже низов, причем низов новых в жизни России, в значительной мере деклассированных, утративших свою постоянную социальную прописку, выломившихся из своего сословия, потерявших нравственную устойчивость, опасных своей сбитостью с толка, становящихся легкой добычей в руках демагогов и авантюристов (а это постоянно происходило уже несколько напряженных десятилетий с миллионами людей в России).

Каждый из них в муках и противоречиях проходил свой личный путь, но в главном их пути были едины. Коллективный герой «Двенадцати» именно вот этот:

В зубах — сигарка, примят картуз.
На спину б надо бубновый туз! —

таким образом — тоже типический герой. Он по-своему переживает те же проблемы XX века, его сознание порождено и возбуждено глубокими противоречиями всего хода истории. Несомненно, он собрат лирического героя Блока, его современник. Размышляя над его судьбой, над жизнью Петрухи, Катьки и Ваньки, над сложностью их пути, Блок, несомненно, решал и свои собственные вопросы — как вопросы всеобщие.

Поэтому сюжет поэмы и оказывается насыщенным «универсальным» человеческим содержанием. В сущности, пройдя через события поэмы, ее герои встречаются со всеми возможными и значительными для них проблемами, проживают целую жизнь, все свои духовные возрасты: от слитого со стихиями духовного младенчества, инстинктивного и наивно-эгоистического упоения полнотой жизни («Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!»), до подлинной трагической зрелости, светлого и сурового возмужания духа.

Жизнь и смерть, воля и порабощение, любовь телесная и одухотворенная, свобода и несправие, ненависть, страх, отчаяние, равнодушие, черная злоба, поклонение ложным кумирам, ослепление иллюзиями и ясность прозрения, радости и муки переосмысления себя, мрак отчуждения и дружеское родство людей, блуждание в потемках и подлинное счастье выхода к свету — все есть в поэме, все пережито героями и поэтом, все ими постигнуто. И через все проходит одна идея — судьба человеческая есть поиск пути, есть преодоление всех преград, главные из которых, по мнению Блока, — в самом человеке, в тех уродствах, в той порче, которую вызывает в людях покорствование миру насилия, согласие с его чудовищными правилами.

Герои поэмы в то же время, разумеется, разные люди: есть среди двенадцати и более развитые, «сознательные». Одному из них принадлежит знаменитый призыв:

«Революционный держите шаг!..»

Блоку и нужна их многоликость, нужны различия — так он зачерпывает шире и глубже из моря народной жизни. Мы слышим разноголосый гул стихии, в котором сливаются чувства каждого из них, несущих в себе личную «идею», надежды, опыт.

В какие же отношения со стихией, ими рожденной и их несущей, вступают все эти люди? Человек — и стихия! Вот главная для нас проблема.

С этого момента начинается в поэме сюжет поразительной силы и значения. Блок считал, что от исхода отношений человека и стихии очень многое зависит в нашей жизни, судьбах России и человечества в XX веке.

Развитый, сложный внутренний мир человека, духовная культура народа и личности были результатом бесконечных во времени усилий, подвигов, открытий. Культура — это одна из сложнейших и тончайших духовных организаций, это — гармония, причем гармония особого рода. *Культура — это антистихия*, диалектическое отрицание стихии. Это — одухотворенное самоуправление, умение владеть собою и находиться в ладу с окружающим миром.

Безудержно льющийся стихийный поток — грозная энергия, могущая стать орудием разрушения культуры.

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

В первый миг свободы эта энергия и выступает прежде всего как сила разрушения и аморального своеволия. «Свобода без креста» — отказ от каких бы то ни было обязательств, законов, культурной ответственности. Это крушение морального регламента, всех социальных и этических «табу», в частности религиозных («Пальнем-ка пулей в Святую Русь»), на которых многое держалось в тысячелетней культуре.

А тут все позволено! Делай что хочешь!

Гарантией этой возможности становится насилие («тра-та-та!»).

Но внимательнее присмотримся к этой «декларации» коллективного героя в момент его прихода: с чем он пришел в мир и чего он от мира ждет? Так ли уж все ему позволено?

Ликующий крик опьяненных безграничной свободой людей стал высшей точкой их слитности и согласия со стихией.

Но этот первый миг наслаждения свободой оказывается и последним мигом. «Свобода без креста», «безграничное» своеволие тут же обнаруживает — и не может не обнаружить — свою жестокую, просто беспощадную ограниченность, оборачивается свирепой неволей.

В самом деле, представим себе: что же означает «безграничная» свобода для темного, невежественного человека, замордованного (и воспитанного) социальным и духовным распадом, миром разрушенных и извращенных ценностей? «Страшный мир» стремился вылепить его по своему образу и подобию, отравить всеми своими ядами. Поэтому и «свобода» для этого человека оказывается не только возможностью справедливой мести, утоления выстраданной ненависти, но и «свободой» удовлетворения темных, слепых эгоистических страстей. И самой главной, всепоглощающей страстью является животная страсть обладания, присвоения, захвата. Это — цель, а средство ее достижения, тоже внушенное старым миром, — насилие.

Нет, не нужно обольщаться: самый первый порыв человека люмпенизированной массы, ошеломленно глотнувшего острый воздух свободы, вряд ли будет устремлен, скажем, к труду, к наукам, к искусству.

Нет, не свобода трудиться, осваивать вершины человеческой культуры будет им цениться превыше всего. И дело здесь не только в том, что он не имеет необходимой подготовки (хотя и этого его лишил «страшный мир»). Дело в том, что все эти высшие ценности были скомпрометированы (а порою и до сих пор компрометируются!) в глазах человека массы. Труд стал для него проклятием, принуждением, наказанием. Искусство — барской забавой. Наука — блажью и средством притеснения. Поэтому «дырявят купол древнего собора», поэтому «жгут библиотеку в усадьбе». (Об этой горькой правде с достоинством пишет Блок в статье «Интеллигенция и революция».) Нет, не побегут в первый миг свободы герои поэмы ни в мастерскую, ни в библиотеку, ни в филармонию.

Первая их (а точнее — Петрухина) реплика, увы, совсем другая: «А Ванька с Катькой — в кабаке!». Первая мысль — о Катьке и кабаке. Блок не боится сказать эту нелегкую правду о своем герое. Для него, блоковского героя, в этот первый миг «свобода» равна безграничной возможности наслаждения, находящегося в *этой* сфере.

Но дело тут, конечно, не в одной «испорченности» героя. Тут по-своему преломляется и высокая человеческая потребность в том, чтобы состояться. В чем смысл человеческой жизни? Коротко говоря — в самоутверждении, самоосуществлении. В том, чтобы стать и быть собой. Средством здесь может оказаться и труд, и наука, и искусство. Но блоковский герой, обездоленный своей эпохой, мог в какой-то мере осуществить себя лишь в чувственной любви. Лишь эта сфера бытия оказывалась для него в какой-то степени сферой реальной свободы. И ничего удивительного, что именно в нее с головой намерен окунуться он, как только перед ним открылась «свобода без креста»! Но — вернемся к прерванному ходу события — выяснилось, что удовлетворить обретенное чувство «свободы» блоковский Петруха не может. Такие же намерения, оказывается, были и у Ваньки. Он опередил нашего героя.

И теперь совсем в другой тональности — с досадой, подозрением, беспокойством — повторяется:

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Ведь «свобода без креста» означает и для Катьки, и для Ваньки, и для Петрухи равную возможность «чем-то заняться». Сам принцип такой эгоистической стихийной свободы чреват неизбежной несвободой, чтобы удовлетворить эту свою потребность, один человек должен вступить в бесконечную и безжалостную борьбу с другими людьми.

Тщательно исследуя в поэме состояние героя, Блок доказывает, что *этот путь ведет в страшный тупик*. Этот вывод Блока подтвердила вся история чело вечества, в том числе и драма нашей послеоктябрьской истории — и социальная, и нравственная.

А пока что на фоне песни красногвардейцев в воспаленном горем и ревностью воображении Петрухи разворачиваются картины того, «чем занята» Катька.

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
.
Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

Вынести эту воображаемую картину Ванькиного блаженства и Катькиной измены Петруха, разумеется, не может. Он лихорадочно ищет выхода из положения. И выход этот подсказан ему всем опытом проклятого мира, где средство разрешения всех проблем одно — насилие.

Созревшая в Петрухе мысль о расплате («Эх, эх согреси! / Будет легче для души!») вскоре действительно находит случай для осуществления, «Трах-тарарах-тах-тах-тах!» — насилие без колебаний пущено в ход. Катька убита. Ванька — «сукин сын, буржуй» — пустился наутек.

Что же происходит дальше?

Звучат мстительные и торжествующие слова — вероятнее всего, их сгоряча произносит сам Петруха:

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Казалось бы, конфликт исчерпан.

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.

Но вслушаемся, посмотримся: внутренне Петруха вдруг отделился в этот момент от своих товарищей:

Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Впервые «убийца» Петруха «не рифмуется» с двенадцатью, он выпадает из их общего стихийного и слитного движения.

Он исповедуется перед товарищами, «выворачивает душу наизнанку».

Это один из самых сильных эпизодов поэмы. Впервые Петруха осознает огромность своей потери. Исчезают пошлые и низкие кабацкие очертания «свободы», и возникают иные — горевшие в его душе огнем. Правда, огнем темным...

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

В этом монологе Петруха необычайно вырастает. В огне страдания сгорает все пошрое, грубое, «кабацкое» в его влечении, чувство Петрухи оказывается подлинной страстью, способной глубоко захватить человека, быть источником огромного переживания, потрясающего всю его душу.

Но это и трагическая беда его. Одно из самых страшных проклятий и язв прошлого в том, что человек только *сюда* вынужден влить всю свою энергию, жар своей мечты о счастье и свободе. Чтобы сохранить для себя возможность *такого* наслаждения, Петруха вынужден был, как мы видели, вступить в борьбу со всем миром. «Из-за родинки пунцовой» он совершает убийство и готов совершить еще одно. Он пролил кровь, и глаза его налиты кровью.

Так слепое покорствование стихии эгоистической страсти становится страшной, убийственной силой.

...И на черном фоне этой страсти загорается первое красное пятно — «пунцовая родинка». Красный цвет является в поэме глубоким символом. Он выражает высшую, предельную степень какого-либо нравственного качества. Красный цвет на черном фоне — высший накал темного, эгоистического чувства, власти телесного, инстинктивного начала, разъединяющего людей, ввергающего их в кровавую вражду друг с другом.

В том-то и состоит, по мысли Блока, самое большое преступление «страшного мира» перед человеком, что он не научил человека открывать вокруг себя и в себе иные ценности, кроме утоления чувственного голода. Этот порядок жизни обрекает человека на бесконечную борьбу против всех. Самоубийственную борьбу. Ведь после гибели Катьки, любовь к которой была смыслом жизни Петрухи, в его душе возникает огромная мучительная пустота.

И ее не заполнить увещеваниями товарищей: «поддержи свою осанку», «не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой», и так далее.

Но мы знаем, что для Блока это именно «такое время», он-то «нянчиться» с Петрухой. Нельзя отделять «личные» проблемы от социальных. Блок верил революции, ждал от нее многого, хотя и не опускал глаз перед ее кровавыми противоречиями. Блок ожидал, что революция принесет в себе не только возникновение новых общественных отношений, новой государственности. Может быть, самое главное в ней (по крайней мере, для Блока) — потрясение, перестройка внутреннего мира человека. И искусство, с его способностью проникать в душевные тайники, дало в революционную эпоху новое знание о человеке, о том, что происходило в глубинах души. А для этого ее, душу, и нужно «вывернуть наизнанку».

Блок с тревогой, состраданием, но и с неумолимой пристальностью, не опуская и не отводя глаз, следит за тем, как будет развиваться дальше душевная жизнь Петрухи.

А происходит тут много интересного. Чувства Петрухи вливаются в давно проложенное русло: раскаяние, сознание трагической вины ищет выхода, увы, по законам все того же насилия.

«Снятие греха», облегчение боли — это месть «буржую». Мечь разнузданная, стихийная, злоба «черная», хотя и «святая», «праведная».

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Конечно, Петруха по-своему прав, но разве не видно, что и во мщении своем он, увы, несвободен, находится и в рамках «старого мира», и во власти стихии, разрушительной и опустошающей.

Нет для него подлинной свободы, потому что нет у него *нового отношения* к миру. Все вокруг для него пока еще зона вражды и насилия, поле боя, а не земля мира и творчества.

Вот почему мотив «горя-горького! Скуки скучной, / Смертной!» снова слышится и тогда, когда вроде бы жажда мщения удовлетворена.

Серое равнодушие, тяжкая похмельная опустошенность охватили Петруху.

...Мы приближаемся к ответственнойшему моменту в судьбе героев поэмы.

Впервые бездумное согласие с «ветром», слитность с ним, безотчетная эгоистическая месть не приносит им удовлетворения. Душевный хаос, неразборчивость чувств все больше ощущаются Петрухой и его товарищами как враждебная им сила.

До этого момента они *себя* не обуздывали, не сдерживали, жили так, «как ветер дует». Лишь однажды у Петрухи чуть-чуть открылись глаза. Он себя укоряет гибелью Катьки: «Загубил я, бестолковый, / Загубил я сгоряча...» С этого-то и начинается трудное прозрение. А пока результат такой: Катька убита, любовь погибла, стихия разнузданной мести, убийств и грабежей не принесла облегчения, не дала выхода из трагического тупика. И не могла дать, лишь еще больше и безысходнее запутывая жизнь, личную и общественную, под какими бы «классовыми» и «сознательными» лозунгами ни творился бы этот чудовищный разбой.

С кровотокающей, опустошенной душой оказался Петруха на перепутье своей судьбы, а казалось бы уничтоженный, отброшенный «буржуй» снова вроде бы невредимым воскресает «на перекрестке», «стоит безмолвный, как вопрос» — и старый мир за ним!

А *вопрос* на этом «перекрестке» возникает самый серьезный: так куда же пойдете теперь, двенадцать? Сумеете ли взять свою судьбу в свои руки? Или, побушевав, выпустив «на ветер» свою веками накопленную энергию, снова вернетесь, присмиревшие и бессильные, в лоно «старого мира», к кабаку, к Катьке, к покорности и бесправию,

к насилию и ненависти? К тем социальным формам и ценностям, которые так бездумно и яростно были истреблены стихией в начале пути?

На этом распутье становится все более заметным, что та самая стихия, которая безудержно несла человека, освобождая от ответственности и трудов выбора, от духовных забот,— что она, эта стихия, стала ощущаться как несвобода. *Бывшая «свобода без креста» становится несвободой!*

Все острее переживается героями поэмы новое состояние: как бы не закружиться, не потеряться, не исчезнуть в метельной стихии.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

В этот миг наибольшей душевной подавленности, слабости и одиночества богохульник Петруха, один из тех, кто весело призывал «пальнуть» в Святую Русь, вдруг в отчаянии восклицает: «Ох, пурга какая, Спасе!»

Но надежда на эту опору совершенно иллюзорна. И весь ход известных нам событий не оставляет в этом ни малейшего сомнения. Ясные, безжалостные слова товарищей отнимают у Петрухи эту последнюю обманувшую надежду:

От чего тебя упас
Золотой иконостас?
.....
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

Этот аргумент имеет решающее значение.

В те годы легко было отвергнуть религиозные ценности, поддавшись стихии анархического безверия, которая могла забросить их — и чуть не забросила — черт знает куда! Гораздо труднее было понять, что *всякое* слепое и послушное подчинение — есть силы закабаления и несвободы. Осознать этот факт и значило сделать большой и главный шаг к действительному освобождению.

Так одно за другим проверяет и отвергает Блок начала, с которыми была связана судьба человека массы, порывающего с миром социального и нравственного уродства и самоотчуждения. Мы воочию увидели губительную силу бездуховности. На величайшем перекрестке истории, на перепутье дорог и ветров должен открыться еще один — и, с точки зрения Блока, главный путь к спасению.

В докладе «Крушение гуманизма» Блок говорил о том, что в «бурном потоке» революции, в «этом движении уже намечается новая человеческая порода».

XX век, как показал весь опыт пережитых нами десятилетий, поставил общественный прогресс, да и счастливое будущее всего народа и каждого человека в зависимость от того, сумеет ли «старый человек», человек инстинктивного, неосознанного, а следовательно, стихийного (все равно — «роевого» или эгоистического) поведения, стать человеком «новой породы». Сумеет ли он вобрать в себя опыт духовных исканий, накопленных всем человечеством? Сумеет ли вырваться из-под власти разнузданного эгоистического интереса и стать *личностью*?

Блок был уверен, что это окажется возможным.

К одиннадцатой главе его герои проделали громадный внутренний путь — путь исканий, прозрения, возмужания.

Они испытали на себе и отклонили целый ряд жизненных «гипотез» — эгоистическое своеволие, слепое «социальное» насилие, анархическое безверие. Они пережили состояние покорности и отчаяния, убийственного одиночества «без божества, без вдохновенья».

Спасение открылось им в другом.

Нужно связать внутреннюю жизнь человека с огромными ценностями всечеловеческой, мировой жизни. Это уводит героев Блока от замкнутости, от губительной сосредоточенности на себе, освобождает от власти стихии.

Перед ними забрезжила другая жизнь, другой путь.

...И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Отрешение от одиночества, способность достойно принять все, что может произойти с ними, пробуждение чувства бесконечного горизонта жизни, ставшее целью и смыслом их движения,— это и есть подлинный, гуманистический и спасительный исход судьбы двенадцати.

И нет уже ничего удивительного, что поведение двенадцати впервые становится открыто «антистихийным», что стихия выступает как враждебная им сила.

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...

Финал одиннадцатой главы — могучий образ драматического и нескончаемого противоборства стихии и людей. Происходит напряженное и мужественное рождение высокого человеческого начала.

И вьюга пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет...
 Вперед, вперед,
 Рабочий народ!

Сколько нужно человеку силы и решимости, как труден путь к совершенству, какие препятствия на каждом шагу! Грудью сшибиться со всеми ветрами и метелями и духом своим одолеть их в упорном и вечном усилии.

И снова вспомним, как они шли, гонимые ветром:

Гуляет ветер, порхает снег.
 Идут двенадцать человек!

И как победили ветер в себе!

А на белом метельном фоне вспыхивает второе красное пятно: «В очи бьется красный флаг». Это — символ высшего духовного усилия, на которое оказались способны герои Блока. Это — знамение подлинной духовной революции, дающей действительное освобождение человеку.

...Много споров до сих пор вызывает образ Иисуса Христа в поэме. Можно понять современников Блока, в особенности молодых людей, настроенных ярко-разрушительно по отношению ко всему «старому миру» (в чем-то близких героям-богохульникам из поэмы), которые недоумевали, встретив чуждое имя в последней строке поэмы. Они готовы были, не дрогнув, заменить его иным, более, как им казалось тогда, близким революции.

И появлялись, например, в устном чтении поэмы варианты типа: «Впереди идет матрос» и тому подобное.

Современников смущала возможность религиозного истолкования поэмы. Что ж, их опасения можно понять.

Но чем дальше уходят «Двенадцать» в историю, тем очевиднее становится, что нет в поэме ни на йоту — как мы видели, внимательно перечитав ее, — церковной ортодоксии.

В свое время Блок, немало думавший над тем, как объяснить появление в финале этого образа, писал и о том, что не во всем он его удовлетворяет («иногда я сам глубоко

ненавижу этот женственный признак», «надо, чтобы шел Другой»), и о том, что «сближение Христа и красногвардейцев — «истина», неоспоримая для людей, вникавших в первоначальное, не захваченное попами, содержание евангельской легенды». Что же привлекало Блока в герое евангельской легенды?

В Евангелии, великом памятнике духа, создан образ Человека, чуждого малейших эгоистических наклонностей, бескорыстного, ищущего равенства и справедливости, несущего в своей душе любовь к людям. Ради всего этого герой легенды идет на смертные муки. В образе Христа воплотились надежды на лучшую участь, выношенные людьми, может, и темными, забытыми, жестоко угнетаемыми, но не потерявшими веру в добро и свет, а сама легенда, возникшая тысячи лет назад, в определенных условиях могла быть (и действительно стала) одной из могучих сил, сделавших возможным освобождение человечества.

Этический смысл евангельской легенды, несомненно, был глубоко пережит Блоком, а образ героя легенды в самом своем существе выражал идею бесконечного внутреннего совершенствования человека.

Можно было бы на этом закончить разговор о герое последних строк, если бы не еще одно существенное обстоятельство. Чаще всего о нем даже не подозревают.

Конец поэмы имеет более конкретный и живой *лирический* подтекст.

Вслушаемся в финал «Двенадцати»:

...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Здесь не только гениально расставлены силы, взаимодействие и противоборство которых составляет содержание «трагедии вочеловечивания», по словам Блока.

Эти строки выделяются во всем звуковом, *музыкальном* строе поэмы. Здесь, как заметили еще современники, слышатся давно знакомые и заветные лирические ноты, мелодия, пронизывающая всю поэзию Блока.

И звучание этой мелодии — особое. Стих последних строк — иной по всей звуковой «фактуре». В «сдвинутом», хаотическом, полном сшибок, дисгармонии звучании «Двенадцати» наступает в одиннадцатой главе заметный перелом, а в финале полновластно торжествует иная музыка: в хаосе побеждает гармония, в бушующую стихию вступает и — смиряет, покоряет ее начало света, величественного покоя и меры. Здесь разрешается — в преодолении темных мучительных страстей, в прозрении и победе над всеми метелями — нравственный контрапункт поэмы.

В этих заключительных строчках — итог пройденного героями пути.

В конце поэмы возникает образ достигнутого нравственного идеала. Переживаниями и поисками этого идеала, его утверждением наполнена поэма. Вся поэма есть путь к нему.

Но, как уже говорилось, музыкальный образ финала носит лирический характер, то есть эти строки поэмы звучат как произносимые от первого лица. До этого момента поэт шел со своими героями незримо, он переживал то же, что и они, — но таил свой голос. Все, что происходило с его героями *до этого момента*, им уже было сказано и о себе в знаменитых трех томах его лирики. Там он прошел свою «трагедию вочеловечивания» (и приведенные слова были написаны как раз по поводу «трех томов» лирики).

Но высокий нравственный подъем финала «Двенадцати» Блок переживал впервые. И сказал об этом *своим голосом и о себе*. Здесь оставляет Блок свой лирический автограф; в завершении поэмы звучит его личная мелодия.

Преображается в поэме не только ее коллективный герой, преображается и ее создатель. Он тоже заслужил право вести людей «вдаль».

«Двенадцать» — самая трудная личная победа Александра Блока, его высший духовный взлет. 29 января 1918 года, в тот день, когда он завершает поэму, в дневнике появляется запись: «Сегодня я — гений».

В сущности, эти слова — второй финал «Двенадцати». Здесь лирический герой поэмы назван своим именем.